

**Дмитрий
КОПЬЁВ**

г. Петрозаводск

ПАССИ ПО АЛЕКСЕЮ

ПАССИ

Предисловие от автора

В феврале 2022 года
Алексею Михайловичу Мосунову,
депутату Петрозаводского городского совета,
Законодательного собрания,
народному депутату Республики Карелия,
исполнилось бы 60 лет.

Алексей был личностью необыкновенной и запоминающейся. Легкомысленный и прозорливый, мягкий и непримиримый разгильдяй и человек потрясающего трудолюбия, практичный и бескорыстный, человек с уникальной памятью и своей особенной чудинкой – таким он был и остаётся для нас.

Для жителей вверенного ему района Алексей сделался выразителем их чаяний и забот, человеком слова и дела, истинно народным избранником.

В своём очерке автор попытался воссоздать образ героя – нашего современника, не только как политического деятеля, народного избранника, но и человека обычного в обычных жизненных обстоятельствах.

Было это довольно давно, в те времена, когда ещё не поменяли паспорта и раскатисто-мощное «СССР» красовалось на обложке главного документа, удостоверяющего человеческую личность.

Лёша и Карл решили как-то смотаться на выходные в Питер, развееваться.

Лёша – Алексей Мосунов, и Карл – Карл Кулмала – друзья со школы ещё. У Карла родители финны. Не знаю, насколько сам он считал себя финном, но корни всё-таки были оттуда, и язык он понимал. Мы же, хотя и привыкли жить среди исполненных на языке Суоми вывесок на магазинах, вряд ли могли похвастаться подобным достоинством. Руокала да ракаста, пухелин да перкеле, хювя илта да юкси-какси – десяток-другой вывесочно-обиходных выражений, на этом знания наши заканчивались.

А в паспортах жителей Карелии все записи в то время на финском языке дублировались, и пасси – паспорт то есть, был выведен на заглавной странице крупными буквами – PASSI!

Впрочем, я увлёкся. Это не больше чем предисловие, хотя, конечно же, необходимое, как можно будет видеть дальше.

Приехали, значит, Лёша с Карлом в Питер. Поезд приходит рано, толком в дороге выспаться нельзя, потому друзья решили взбодриться, кофе где-нибудь выпить.

Зашли в заведение одно на Невском, уютное такое кафе, сели за столик. Стали ждать. Время идёт, однако, несмотря на то что посетителей в кафе мало, на новеньких никто не обращает внимания. Может, сами ещё не проснулись, может, вид у Карла и Лёши слишком уж, на их столичный взгляд, провинциальный, только официанты не торопятся. Ленъ им. Ничего, дескать, подождут обитатели тундры, не растают.

Только Лёша подобное невежество сносить не собирался.

Толкнул он незаметно Карла ногой, кивнул, подыграй, мол, да как хватит по столику кулаком, да как гаркнет:

– Перкеле! Хювя илта таваратало!..

Что в переводе означает примерно: «Чёрт побери! Добрый вечер, магазин».

Посетители забеспокоились, оборачиваться стали. Дескать, что за шум с утра пораньше?

Один из официантов наконец проснулся, подошёл.

– Прошу прощения, – говорит. – Что случилось?

– Юкси-какси! – в крайнем раздражении восклицает Лёша. – Ракаста! Мита кюлля эй! Лаппеенранта лапсет лякари!

(Раз, два! Любовь! Что, да, нет! Лаппеенранта детский доктор!)

– Не понимаю... – разводит руками официант.

Лёша поднимается, лезет в карман, достаёт свой паспорт, раскрывает на странице, на которой по-фински написано, тычет этой страницей официанту в нос.

– Пасси! – кричит. – Суомалайнен! Мина сина Петроской! Пухелин перкеле руокала, дрянной кафе!

(Паспорт! Житель Финляндии. Я и ты живём в Петрозаводске. Слушать, чёрт возьми, столовая!)

И снова толкает Карла ногой.

Тот спохватывается, в игру включается.

– А! – говорит. – Антеекси!.. Прошу прощения. Господин Мосунов, эээ... известный детский доктор, представитель Страны Суоми, выражает

крайнее недовольство качеством обслуживания в данном заведении.

– Йа-йа! – повторяет Лёша. – Дрянной кафе! Хаапалампи! Хей!

Официант заметно растерялся, даже побледнел немного, и говорит:

– Пардон! Исправим ситуацию. Готов немедленно принять ваш заказ.

А Лёша уже разошёлся и дальше речи ведёт, щедро высыпая весь свой запас знания финского и карельского языков, а заодно сведений топонимики, то бишь населённых пунктов Карелии.

– Катанандовин терве! Мита куулу сойтта Йоухукки! Тэрве туло консульство Суоми жаловаться! Вяйнямейнен Похьяла Питкяранта! Сампо-Лоухи! Цигель, цигель!..

Карл переводит:

– Господин Мосунов намерен обратиться с жалобой в посольство, лично представителю Суоми послу Катанандову. Он требует немедленных извинений. И как можно скорее.

– Извините, извините! – лепечет официант. – Недоразумение! Прошу делать заказ! Обслуживание по первому разряду!

– Кюлля! – произносит удовлетворённо Лёша и садится. – Хювя пйявя, рахвас кунталият! Кофе, какси! Нихт цукер!

– Очень хорошо, – переводит Карл. – Вы правильно поняли. Чёрный кофе. Два. Без сахара. И что-нибудь закусить.

– Сию минуту, – откликается официант и исчезает.

Доставил он кофе, а к нему – бутерброды с ветчиной.

– Закуска за счёт заведения, – говорит. – Приятного аппетита!

– Киитос, хювя Йоулупукки! – кивает Лёша.

– Спасибо, – кратко переводит Карл.

Позавтракали они, расплатились за кофе, к выходу направились. Официант их догоняет.

– Прошу прощения, – интересуется. – Йоулупукки – что это?

– Дед Мороз, – поясняет Карл. – Только финский.

– А! – смеётся официант. – Спасибо, запомню. Счастливо вам! Привет снежному Суоми!

Вышли Карл с Лёшей на улицу.

– А за кофе всё-таки взял, – бурчит Лёша.

– Нормально, – говорит Карл. – Свой парень... Йоулупукки.

– А чего ты меня детским доктором обозвал? – спрашивает Лёша.

– Как же? – усмешается Карл. – Сам же сказал – лапсет лякари!

– Даже не заметил, – удивляется Лёша. – На автомате получилось...

– А пасси, – добавляет, – теперь под руками держать надо. Пригодится ещё...

ИЗВЕСТНЫЙ ФИНСКИЙ УЧЁНЫЙ КАРЛ КУЛМАЛА

Лёша Мосунов писал диссертацию. Точнее сказать, диссертацию он взялся написать для своего знакомого, из новых русских, которому захотелось по своей прихоти, для повышения, видимо, имиджа, получить учёную степень. Не помню, на какую тему была работа, не то из области экологии, не то ихтиологии, не вдавался, так что, если какие неточности, не судите строго...

У самого бизнесмена знаний по ихтиологии не хватало, а Лёша руку набил, штампуя дипломные работы для студентов. Конечно, диссертация это вам не комар чихнул, но Лёшу это не смущало. Набрал он книжек по теме, почитал статей в журналах, и за дело.

И вот в творческом порыве в одной из глав Лёша пишет: «По мнению известного финского учёного Карла Кулмала», и дальше цитирует некую мысль мнимого учёного, и даже ссылку на несуществующую работу даёт. А я упоминал ранее, что Карл Кулмала, собственно, друг Лёши, со школы. У Карла родители финны, потому он и был Карлом, а вот к ихтиологии он точно никакого отношения не имел.

Ладно.

Бизнесмен диссертацию защитил на «отлично», является к Лёше и рассказывает, что на кафедре ихтиологии чрезвычайный интерес вызвала деятельность известного финского учёного Карла Кулмала и там выразили желание поближе познакомиться с ним для налаживания дальнейшего сотрудничества.

Лёша смеётся:

– Ладно, – говорит, – познакомим, черкнём адресок...

Приходит он к Карлу, поздравляет того с присвоением звания специалиста по ихтиологии и предупреждает, чтобы не удивлялся, когда письмо придёт из учёного совета.

Карл не понял.

– Кто, я? – спрашивает.

Лёша ситуацию объяснил, сказал, что интересное может выйти дело.

Карл только плечами пожал.

Однако спустя некоторое время действительно приходит ему письмо, и не простое, а с приглашением на симпозиум ихтиологов в Санкт-Петербурге.

Карл – к Лёше.

– Лёша, – говорит, – это что такое? Какой симпозиум, какие ихтиологи?

А Лёша руки потирает.

– Отлично! – говорит. – Хороший повод в Питер съездить, погулять за казённый счёт.

– Не прокатит, – говорит Карл. – Я лесоинженерный оканчивал, а не биологический. Какой из меня профессор?

– Дурья голова, – внушает Лёша. – Ты же финский учёный. Лопочи что-нибудь по-ихнему, никто не поймёт.

Убедил он Карла.

Собрались, поехали. Лёша у друзей остановился, Карла в гостиницу заселили. Соседом ему достался профессор, Комаров по фамилии, настоящий ихтиолог. Профессор пытался было завести разговор о хрящеватых и костистых рыбах, но известный финский учёный заговорил на таком кошмарном русском, что профессор свои попытки тотчас забросил. На симпозиуме Карл потолкался среди учёного люда, однако на заседании долго высидеть не смог и смылся потихоньку. С Лёшей они до вечера гуляли, потом в гостиницу заявили. Карл представил Лёшу профессору Комарову известным детским доктором, накрыли они небольшую поляну, завязалась беседа.

Выяснилось, что профессор из Сыктывкара. Соседями, можно сказать, оказались по дружественным связям и климатическим условиям. Профессор нет-нет да снова разговор на перепончато-хрящеватых свернуть пытался, однако Лёша этому решительно воспрепятствовал, предлагая всякий раз «мизернуть», то бишь выпить. Любимое словечко у Лёши было это «мизернуть».

– Ни слова о работе! – говорит. – Не знаю, как там у вас в Сывтык-варе...

– Сык-тив-каре, – деликатно поправляет профессор, – тррудно... пр-произносимо, но, так сказать, как бы это сказать...

– Гут, – соглашается Лёша. – В Сывтыкваре так в Сывтыкваре. Давайте мизернём по этому поводу.

– Давайте, – вдохновляется профессор. – За Сыктывкар!

Потом, конечно, за ихтиологию мизернули, за Карелию, за дружбу народов, а потом Лёша сти-

хи начал читать. Стихи не о птичках там или цветочках, а настоящую поэму собственного сочинения. Она была написана в размер «Калевалы», что-то вроде:

*Я спою сейчас вам песню,
Песню я вам пропою сейчас.
Песня эта будет долгой,
Очень длинной будет песня...*

Ну и далее в том же духе.

В Лёшиной поэме были изображены знакомые и друзья в различных жизненных ситуациях, очень весело, точно и порой весьма едко. Сказание сатирического, так сказать, характера.

Профессор Комаров был в шоке. Он хохотал так, будто его щекотали под мышками. Выступай перед ним Маяковский или, скажем, Евтушенко, он был бы в меньшем восторге. После заявил, что в жизни не встречал подобных талантов и что встреча эта – подарок судьбы.

Мизернули по этому поводу.

На другой день после заседаний в честь закрытия симпозиума намечался фуршет.

Лёша говорит:

– Праздник продолжается. Нельзя пропустить.

Разыскали они с Карлом приятельницу свою, Жанну Приходько, которая на журналиста в Питере училась.

Жанна, как услышала про ихтиологический фуршет, обрадовалась.

– Ой, – говорит, – мальчики! Как здорово! А кем я буду?

– Мы тебя референтом представим, – объясняет Лёша. – Только имя нужно подходящее.

– Чур, я сама! – заявляет Жанна. – Пускай я буду Тиной Тиккурила!

– Идёт, – согласились друзья.

Привели они Тину Тиккурила на симпозиум, представили профессору Комарову. Тина в два счёта обаяла профессора. Тот глаз с неё не сводил и во время фуршета ни на шаг от себя не отпускал. А после отправились все гулять по ночному Питеру. Хотя по какому ночному, ночи-то в Питере белые.

И на речном трамвайчике покатались, и мосты разведённые посмотрели, и «Аврору». Бродили по улицам, паркам. Лёша анекдоты рассказывал, а Тина Тиккурила профессору Комарову про то, какая в Карелии рыбалка замечательная, про то, какие там белые ночи, грибы и огромные комары. Профессора всё это сильно заинтере-

совало, и он поклялся, что непременно посетит наши края.

Утром профессора посадили на сыктывкарский поезд и расстались совершенными друзьями.

А вечерним поездом домой отправились.

Стали ждать приглашения на очередной симпозиум ихтиологов. Где-нибудь в Копенгагене.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Я познакомился с Лёшей Мосуновым в девятом классе, когда после окончания восьмого перешёл в другую школу. Вхождение в новый коллектив было довольно мучительным, поскольку по складу характера человек я робкий и не слишком общительный, избегающий больших компаний. Так что первое время мне пришлось довольствоваться ролью стороннего наблюдателя, изучающего жизнь школьного коллектива извне.

Класс оказался на удивление дружным, и явным лидером, заводилой и инициатором разнообразных розыгрышей и провокаций являлся Алексей Мосунов.

Своими выходками он доводил учителей до истерик и был занозой для всего преподавательского состава.

Наверное, учителя пророчили ему самое унылое будущее.

Однако они прощали все его выходки и, втайне посмеиваясь, любили этого бузотёра. Истины ради, все Лёшины проказы были бесхитростны и беззлобны.

Большая часть его манифестов и выступлений была настоящим концертом по заявкам.

«Революционная ситуация! Революционная ситуация!» – заговорщицки восклицал Лёша, затевая какую-нибудь очередную каверзу.

Как-то на спор он выучил наизусть выпускавшийся тогда ежегодный политический справочник «Страны мира» и с той поры в любое время дня и ночи мог без запинки назвать столицу любой страны, население, площадь, валюту, цвета флага, государственный и экономический строй, политические партии, состав правительства, имя главы государства, события, предшествовавшие приходу этого главы к власти...

Проверяли. Лёша никогда не ошибался.

Позже эти знания пригодились ему в профессии школьного учителя истории...

Нет смысла рассказывать подробно про Лёшины подвиги, поскольку личности, подобные ему, являются неотъемлемой частью любого школь-

ного коллектива и у каждого читателя имеется свой опыт подобных ситуаций...

Как-то сумеречным зимним вечером зазвонил телефон. Я поднял трубку и услышал взволнованный девичий голос, который торопливой скороговоркой произнёс следующий монолог:

– Здравствуйте! Я набрала номер случайно. Я не знаю, кто вы, мне срочно нужна помощь. Меня преследуют хулиганы. Я закрылась в телефонной будке и позвонила наугад. Я очень боюсь. Эти люди рядом и грозят мне. Не могли бы вы проводить меня домой. Одной мне страшно. Помогите, пожалуйста!

Я растерялся.

– Но... где это? – спросил я, просто чтобы поддержать разговор.

– У Дома физкультуры. В телефонной будке. А вы?

– Я?... – протянул я. – Очень далеко. Боюсь, я...

Дом физкультуры и правда находился довольно далеко, и, судя по сложившейся ситуации, вряд ли я мог оказать скорую помощь бедной девушке.

Ситуация немыслимая.

Бежать куда-то в глухую зимнюю ночь, едва не на другой конец города, кого-то спасать?

Да кого я могу спасти? Меня самого, если что, спасать надо.

– Вы можете? – пролепетала девушка.

– Спасибо, – невпопад пробормотал я. – Извините...

И повесил трубку.

Конечно, некоторое время было нехорошо на душе. Для приличия я пытался оправдать себя, говоря, что попытка что-либо сделать была обречена на провал и в любом случае хулиганы не стали бы дожидаться, пока я доберусь до места преступления... Но правда была в том, что мне совершенно не хотелось куда-то бежать, а хулиганов я боялся не меньше, чем сама жертва.

В жизни каждого человека найдётся достаточное количество мелких, гадких, глупых, некрасивых, необязательных поступков, память о которых заставляет содрогаться от стыда и бессильного отчаяния, от невозможности исправить что-то, вернуться в прошлое. Едкий след в душе и бесполезные сожаления о том, для чего ты совершал все эти мелкие гаденькие глупости, когда, не умея отличить хорошего от дурного, был неразборчив в словах и поступках, не препятствовал проявлению своих потаённых низменных качеств, обижал людей, сам сносил оскорбления, лгал, малодушничал, трусил, был жесток, себялюбив, в трудную минуту не пришёл на по-

мощь, отвернулся, предал... Можно ли всё это списать на возраст, на несформировавшуюся личность, не умеющую отвечать за свои поступки? Наверное, можно... Только вот теперь, когда мы в полном смысле взрослые люди и личность вроде сформирована, всегда ли мы поступаем ответственно?.. И как заслужить прощения у прошлого? Увы, мы навсегда останемся один на один со своими печальями...

Прошли годы. Мы давно окончили школу. Каждый стал по мере своих способностей строить собственную судьбу. Однако с классом не расставались. Центр притяжения в лице Алексея Мосунова не давал нам расслабиться. Мы по-прежнему собирались на квартирах одноклассников, шумно и весело делились новостями и личными достижениями, но больше всего времени уделяли воспоминаниям о юности, о нашем 10 б классе, и по мере удаления время это становилось всё более притягательным, некой сказкой, мифом, эпосом...

И вот на одной из вечеринок Лёша рассказал, как они с Валерой Ивановым, закадычным своим другом и верным соучастником разнообразных каверз и подвохов, подговорили Жанну Приходько, приятельницу из соседней школы, разыграть одноклассников. Жанна должна была обзвонить мальчишек и своим ангельским голоском спровоцировать на те или иные действия, проявить в ситуации выбора истинную свою, так сказать, сущность. Звонила она действительно из телефона-автомата возле Дома физкультуры, а Лёша с Валерой наблюдали из укромного места за тем, что произойдёт, и произойдёт ли что-нибудь вообще...

Итогом проверки стало то, что из большинства парней, кому дозвонилась Жанна, на место встречи явились могучий Ванька Жуков, человек, которому никакие хулиганы были не страшны, Дима Качанов, отличник, самый правильный и ответственный человек в классе, и неразлучные друзья с детства – Саня Матрюков и Серёга Глебов, в просторечии именуемые Стрюк и Глэб.

Посмеялись. Никто никого не оценивал и уж тем более не осуждал... Проказы вольной юности выглядели с высоты прошедшего такими милыми и наивными... Время и законы природы корректируют человеческие отношения, когда будто ластиком стираются былые обиды и недоразумения и прежние враги при встречежимают друг другу руки. К прошлому нет претензий... И телефонной будки возле Дома физкультуры давно уже нет...

На этом мы заканчиваем художественную часть повествования и переходим к документальной. И если в первой автор мог позволить себе некоторые вольности в изложении событий и несколько приукрасить действительность, то дальнейшее основано на строго зафиксированных фактах.

И начнём мы с живой речи Алексея, а именно: писем. В то время автор учительствовал в небольшом лесном посёлке на самой границе с Финляндией, а Алексей оканчивал шестой курс заочного отделения исторического факультета. Из довольно объёмного собрания писем приведём несколько, на наш взгляд, наиболее характерных.

Письмо первое

ПОЕЗДКА К ГЛЭБУ

Привет, Дима. Извини, что не сразу отвечаю. Дело в том, что я не сразу обнаружил твоё письмо. Бабуля положила его на стол и ничего не сказала. Таким образом, оно пролежало 4 дня. Поздравляю тебя с близким окончанием первой четверти. Жаль, что на каникулах мы вряд ли встретимся. Я уезжаю по путёвке в Киев, а вернусь лишь 11 ноября. 10 дней как вернулся из Москвы и вот теперь в Киев. Путешествую помаленьку. В Москве со мной произошла масса приключений, начиная от любовных интрижек и кончая такими ситуациями, когда жизнь моя висела на волоске. Кроме того, я увидел и узнал очень много нового. Ну, начать с того, что я видел дом, где жили Брежнев и Андропов. Я думал, что они живут где-то в особом месте, а оказался обычный дом в центре города. Посетил могилу Высоцкого. Вся усыпана цветами. Были в Историческом музее и музее имени Ленина, в Кремле, в Олимпийском комплексе, в Третьяковке. Вот только жаль, что не попали в Мавзолей. Запланированной экскурсии туда не было, а когда мы собрались туда своим ходом, то всё сорвала делегация Йеменской республики во главе с президентом Салехом. Пришлось мне вместо Ленина лицезреть этого перца, приехавшего к нам за деньгами.

Но основной итог поездки это то, что я имел встречу с Глэбом. Да, да. Мы списались с ним, и он указал, как до него добраться. Кстати, эта поездка к Глэбу чуть не стоила мне жизни. А дело было так: по инструкции Глэба я поехал к нему

(если бы я по ней добирался, то добирался бы до сих пор. Глэб всё перепутал). Доехав до станции Бóлшево и изрядно затарившись, я ринулся на поиски части.

Не имея возможности найти её своими силами, я обратился к мужичку бичёвского вида, и он с готовностью взялся показать её местонахождение. По пути мы разговорились, и я по глупости выболтал, что я отдыхающий гусь из провинции, что полтора года не видел друга, что у меня есть деньги и водка. Мой спутник вёл меня долго и наконец завёл в какой-то тёмный парк. Я заволновался, а он вынул нож и потребовал деньги. А их у меня было рублей 80. Я решил пойти на компромисс и предложил бутылку. Но злодей нагло заявил, что он сейчас заберёт у меня всё, даже мои вельветовые джинсы, тогда я трахнул его бутылкой по голове и побежал. Еле выбрался. Оказалось, что в этом парке орудует банда грабителей. Ну что ж, один поплатился.

Потом мы встретились с Глэбом и наклюкались до потери пульса. Я там в казарме (если можно назвать эту хибару казармой) ночевал. Глэб всё такой же. Время не властно над ним. Хочет восстановливаться в универе. Валера хочет тебе ещё письмо отослать с новыми советами. Я со своей стороны могу дать лишь один совет. Найди себе бабу (девушку – женщину, ну, как угодно). Это облегчит твоё существование в Мотке и отвлечёт от школы. Ну вот и всё. До свидания, Дима, пиши. Привет от всех.

Письмо второе

РОНО

Здравствуй, Дима!

Получил твоё письмо. Спасибо. Ты извини меня, что я не пришёл на вокзал. Я немножко заснул, и лениво было прерывать сон и идти. А теперь, если хочешь, я расскажу тебе хорошую и весьма поучительную (для меня, конечно) историю. Помнишь, я писал тебе, что меня приглашали учительствовать. Так вот я собрался – купил костюм, ботинки, портфель, набрал всевозможной литературы в библиотеке, написал заявление об уходе, и мне согласились дать перевод, угостил в пятницу всех конфетами и вином. Услышал о себе массу лестных слов. Оказывается, меня любили и уважали, чего я не мог заметить 5,5 лет, все выражали «искреннее» горе и сожаления по поводу моего безвременного

ухода. С директором школы я договорился напрямую, и дело осталось за малым – сходить в роно и взять письмо на перевод. Завроно – некто Николай Леонидович Гехт – оказался весьма занятым и занятным человеком. В помещении роно всюду чувствовалось его присутствие. Он беспрестанно либо говорил по телефону, либо носился мимо меня со скоростью курьерского поезда. Если его даже не было видно и слышно, то во всех комнатах произносилось при телефонном разговоре либо «Николай Леонидович», либо «товарищ Гехт». Наконец, пробежав мимо меня ещё раз, он осведомился, что я здесь делаю. Я ему ответил, что директор 25-й школы просил меня подойти к нему, но поскольку вы заняты, то я и жду, когда вы освободитесь. Он посмеялся и важно заявил: «Молодой человек, я занят всё время, так что, если не хотите просидеть здесь до 18 часов, зайдите в мой кабинет». Разговор со мной у него был короткий. Либо его ущемило, что я с директором договорился в обход него, либо я ему не понравился, но он заявил, что идти мне сейчас в школу – авантюра, т.к. я сяду между двух стульев, а точнее, накроюсь с дипломом. «Государство, Алексей Михайлович, зря по 4 месяца на диплом не даёт, а вы хотите написать его за время весенних каникул, и то если вам разрешат на них не работать. Школе надо отдать всего себя, иначе у вас ничего не получится. Кроме того, вы кончаете заочно, и вам было бы лучше начать не с общеобразовательной школы, а с ШРМ или очно-заочной школы. Приходите в августе с дипломом, тогда и поговорим». Одним словом – разверни-ка, друг, оглобли на 180 градусов от школы. Хотя, с другой стороны, он прав. С учёбой я бы загремел. Может, это и к лучшему. Отдохну 4 месяца, съезжу куда-нибудь по путёвке и спокойно завершу образование, а там этот Гехт поможет мне устроиться в ШРМ, где работать учителем легче. Одним словом – авантюра со школой закончилась полным провалом...

У нас тут ничего нового. Жизнь течёт однообразно и занудно, и если не считать этого случая, то и писать не о чем. Учёба идёт помаленьку, пришёл вызов на сессию, а если бы я ушёл в школу, то на сессии побывать бы не удалось. Ну вот и всё. До свидания. Пиши. Твой несостоявшийся коллега Лёша.

Письмо третье

ЗАОЧНИКИ

Здравствуй, Дима! Получил твоё письмо. Спасибо. Извини, что долго не писал, сессия замутила. Всё свободное время писал первую главу диплома. Оказывается, её нужно было сделать к этой сессии, а я не сделал. Вот и пришлось писать, а когда я приходил домой, то на ручку и бумагу уже не мог смотреть без отвращения. Ну вот, сессия позади. Сегодня сдал последний экзамен – историографию Еленёвскому, завтра отдыхаю и во вторник на работу. Работать осталось до 1 марта, а там – сплошной отдых и отпуск. До 1 мая надо будет начирикать диплом, после 15 мая – защита, в июне – госы, числа 25 идём в ресторан всей бандой. Иван Иванович уже и списочек заготовил и предложил скинуться по 25 р. Что-то, я думаю, это многовато. Небось старый мухлёвщик пропьёт все деньги с Гаранжой и Клеопатрой.

Сессию я сдал всё на 5. Такой удачной сессии ещё не было, а вот критскому моряку Артуру не повезло. Он сильно сдружился с Немчиновым и Велиевым, а также с одной дамочкой, неизвестно откуда взявшейся у нас, и эта четвёрка стала керосинить по-страшному, а Артур до этого года 2-3 вообще не пил, был в завязке. В итоге морской волк провалил 2 из 3 экзаменов, а его друзья Немчинов и Велиев – люди, давно привыкшие к спиртному, не провалили вообще. Велиев даже борзонул, когда ему на истории философии «3» вкатили, выйдя за дверь, он проникновенно сообщил Вадиму Черненко: «Лёонов завалил на тры, собака».

Самый юморной – зачёт по научному коммунизму. Кто там чего не наговорил. Наша знакомая дама из Вьетнама несла такую чушь, что даже преподаватель не выдержал и резюмировал её выступление так: «Мы потеряли 20 минут». На тему «Соцстраны» выступил товарищ Гаранжа, который начал так: «Социалистических стран насчитывается 15. Тут прежде всего следует назвать такие страны, как Польша», но тут научный коммунист его прервал: «Прежде всего тут следует назвать СССР».

О том, какие мысли лезут в голову с похмелья и как вредно пить перед зачётом, доказал товарищ Змеул, который, ничуть не смущаясь и не затрудняя себя аргументами, нахально заявил, что диктатура пролетариата была у нас в стране с 1917 по 1975 год (!). Этот перл Змеула можно поста-

вить в один ряд с высказываниями других деятелей нашего курса: Донова – «Мамай – предводитель крестьянской войны», Тимофеев – «Итогом советско-финской войны 1939–40 была финская интервенция», или вот ещё, но это изрѣк уже наш общий друг В.Иванов: «В отряде Тойво Антикайнена сражались такие видные деятели партии, как Ровио, Анохин, Гюллинг и Куусинен». Или ещё хохма. Кривопатрю спросили, что он законспектировал, на что он ответил: «Я много законспектировал, я столько законспектировал, что даже не смог всего привезти». После чего бравомайор нахально сел. А товарищ Змеул откровенный пошляк. Такую выдал пенку в присутствии женщин, что даже писать стыдно. Приедешь – расскажу.

...Есть ещё одна новость – товарища Еленевского выгнали из универа за систематическое пьянство. У нас он принимал уже формально. Спросил: «Кто хочет «3» – подходи, остальных буду спрашивать. Осталось человек 10, в их числе Иван Иваныч, Гаранжа, Полупанов, Спиридонов, Лякин, несколько баб и я. Но он тоже не спрашивал, а поставил всем «4», а мне и Иван Иванычу – «5».

Приезжала Жанка. Передавала тебе привет. Привет и от Иванова, который хочет высказать тебе ряд своих педагогических мыслей. Ну вот и всё. Пока.

Лёша.

Глава завершающая

МОСТИК

Лёша Мосунов стал депутатом

Ему достался один из самых сложных районов города Петрозаводска, а именно героический район Перевалка. Героический в первую очередь потому, что народ здесь проживал серьёзный, мужественный, рабоче-крестьянский, а во-вторых, поскольку концентрация героических наименований улиц района превышала всяческие мыслимые и немыслимые нормы. Сами посудите: улицы Ермака, Суворова, Ушакова, Декабристов, Бабушкина, Фрунзе, Фурманова, Чапаева, Щорса, Чкалова, Ватутина, Черняховского, Матросова, Островского, Пархоменко, а на закуску Плеханова, Софьи Ковалевской и Пирогова.

Деревянные дома, разбитые дороги, прогнившие крыши, покосившиеся заборы, отсутствие сколько-нибудь приемлемой инфраструктуры и

общая неустроенность быта процветали здесь в классическом своём виде и стимулировали тем самым широкие возможности для проявления истинного героизма в борьбе с суровой российской действительностью.

Впрочем, район был не в новинку Алексею. Он проработал в местной школе номер 20 учителем истории 10 лет, так что значительную часть жителей он к тому времени знал уже лично. И знакомился он с родителями учеников не на собраниях, а посещая семьи по самым различным поводам, в частности, считая своей обязанностью навещать заболевших ребят и девчонок. В старших классах авторитет Лёши был на недосягаемой высоте, а младшие обожали Лёшу, бегали следом словно маленькие медвежата за большим, добродушным медведем, гроздьями висли на нём. Каждый свой урок он превращал в настоящий спектакль, сочиняя порою на ходу псевдоисторические, но ужасно занимательные истории, а серьёзные темы излагал с собственных исключительных позиций так, что даже самому заядлому троечнику становилось ясно, о чём идёт речь.

Имея подобную базовую подготовку, Алексей легко нашёл общий язык с жителями района и очень скоро завоевал доверие той части населения, которая нуждалась в первоочередной помощи. Дырявая ли крыша, покосившееся крылечко у одинокой старушки, доставка дров, замена прогнившего водопровода, ремонт дорог, тарифы на воду и электроэнергию, законные пенсионные выплаты, проблемы многодетных семей – за всё брался Лёша и добивался результата, обивая пороги кабинетов мэрии и строча депутатские запросы.

Для того чтобы обеспечить информационную поддержку своей деятельности, всему, что происходит на вверенной ему территории, Лёша начал выпускать листовку, своего рода газету-многотиражку под названием «Перевалка», которая в народе мгновенно получила наименование «Мосуновка». Все события районного масштаба, от значительных до самых микроскопических, находили в ней место. Этот вестник местных новостей Лёша издавал за свой счёт и собственноручно разносил её по адресам. Всего Лёша выпустил 116 номеров листовки.

Здесь я приведу заметку журналиста Екатерины Островской в интернет-издании «Столица на Онего. ру». Вот что она пишет:

«Известно уже бесчисленное множество смешных историй, произошедших в разное время с

212 *Дмитрий Копьёв*

депутатом Мосуновым в его родном перевальском округе. Однако Алексей Михайлович продолжает их поставлять с завидной регулярностью. Объясняется все просто: Перевалка – район глухой, а своей деятельностью депутат занимается самостоятельно, без привлечения штата помощников, – сам и газеты разносит, и листовки, и по домам избирателей путешествует. Вот и случаются с ним всякие курьезы.

Года три назад Мосунов подвергся нападению со стороны пчел, которые принадлежали одному из местных пасечников. А на прошлой неделе депутата покусала собака.

Известно, что Мосунов неоднократно обращался в мэрию с просьбой активизировать на Перевалке отлов бродячих животных. Видимо, собаки ему этого не простили.

В тот день депутат, как обычно, занимался разноской по квартирам собственной еженедельной листовки «Перевалка и Пятый поселок». На улице Островского его окружила стая бродячих собак, одна из которых укусила народного избранника за ногу. Произошло это, кстати, накануне встречи мэра Петрозаводска с жителями Перевалки.

По рассказам депутата, сначала рана болела, но потом вроде бы все обошлось. Сейчас народный избранник чувствует себя хорошо».

Несколько лет спустя Лёша со своим другом и соавтором Николаем Афанасьевым выпустили брошюру «История Перевалки», посвящённую истории района от истоков и до наших дней, и труд этот до сих пор является достоянием и предметом гордости его жителей.

Благодаря подобной, столь многообразной деятельности Лёша сумел завоевать необычайно высокий авторитет среди жителей, который не мог поколебать никто, неизменно избирая депутатом Лёшу и прокатывая всякий раз ушлых политиков-демагогов и разнообразных мистеров твистеров, обещавших устроить рай на территории отдельно взятого района. Основной избирательный контингент – пенсионеры и пенсионерки, отлично понимали, что только Лёша может разобраться в их проблемах, что решит и поступит по справедливости.

Лёша вообще был за справедливость. «Эх, – сетовал он частенько, – люди ещё горько пожалуют о том, что потеряли, отказавшись от социализма. И о бесплатной медицине, и об образовании, и об уверенности в завтрашнем дне – не раз вспомнят!»

Благая деятельность Лёши вскоре обрела масштабы почти мифологические...

Был такой случай. Один из богатеев, желая завоевать поддержку избирателей, отремонтировал за свой счёт мостик через реку Неглинку. Однако это весьма похвальное и полезное начинание не принесло тому дивидендов, поскольку в народе беспрекословно решили: «Этот мостик отремонтировал Лёша!» И точка!

Алексей со смехом рассказал мне эту легенду, когда мы сидели с ним на крошечной кухне в его квартире. У меня язык не повернулся поднять вопрос о справедливости. Мнение народа необходимо уважать и разочаровывать людей, даже в их заблуждениях, стоит далеко не всегда. К тому же благие поступки творятся в тишине, и то, что имя истинного строителя мостика осталось в забвении потомков, лишь делает честь этому безымянному деятелю.

...Когда Лёши не стало, в прессе и интернет-изданиях появилось множество статей, посвящённых депутатской деятельности Алексея.

Вспоминает председатель Союза журналистов Карелии, журналист и политолог Анатолий Цыганков:

«Странно, человек вроде бы ничего героического не совершил, не был пламенным трибуном, не лез в вожди, избегал категоричности в суждениях, однако запомнился ярким политиком. Впрочем, нет, не политиком даже, а народным избранником. Это выражение, ко всем кому ни попадя применяемое в стенах представительной власти, истёрлось до звенящей пустоты, и лишь прилагаемое к Лёше Мосунову понятие народноизбранничества вновь приобретает высокий смысл... Это не он бился за мандат депутата, это его избиратели добивались избрания Алексея в Петрозаводский городской совет депутатов, в Законодательное собрание Карелии. Он никого не подкупал во время выборов, не подличал в отношении соперников, но и не боялся лобовых атак, а получая мандат народного доверия, впрягался в тысячи житейских проблем тех, кто ему верил и депутатский мандат вручил... Против чего Алексей мог резко выступить и быть даже полемично агрессивен – так это против социальной несправедливости и жлобства толстосумов. При этом он со всеми находил общий язык, и потому казалось, со всеми дружит. И даже недругов своих, а такие были, умудрялся внутри себя каким-то чудесным образом раздвигать и абсолютно в любом человеке обнару-

живать ту его ипостась, которая и негодяя очеловечивала. Своей терпимостью и всепрощением он был прекрасно старомоден... С людьми, избиравшими его в горсовет, в парламент, он проживал их жизнь. За что избиратели его, собственно, и любили, за что ему доверяли, за что его ценили. На моей памяти он был чуть ли не единственным депутатом, к кому применимо понятие народного депутата.

Звание почётного гражданина города Петрозаводска Алексей Мосунов получил посмертно.

Район Перевалка обустраивается, растут дома, появляются новые улицы.

В 2019 году на карте города появился новый топоним – аллея Алексея Мосунова. За год до этого по инициативе ребят, их родителей и педагогов 20-й школы были высажены саженцы в честь любимого учителя.

Молодая аллея Алексея Мосунова протянулась от школы до одной из самых оживленных магистралей города.

И напоследок ещё один эпизод

Были мы как-то с одноклассниками на Лёшиной могилке. Смотрим, откуда-то издалека в нашу сторону направляется, целенаправленно этак, словно корабль, проложивший курс, маленькая старушонка, согнутая в поясице бабулечка. В платочке, на суковатую палочку опирается. Подошла, остановилась, перекрестилась раз-

машисто и – земной поклон отбила Лёше, согнувшись до самых ног... С трудом распрямилась, постояла, проговорила, беззвучно шевеля губами, что-то своё, сокровенное, после осенила воздушным крестом место последнего упокоения Лёши, развернулась и дальше пустилась, в обратную дорогу...

Время движется. Мы взрослеем, стареем, уходим. И слёзы, которые подступают иной раз, скорее уже не слёзы собственно по Алексею. Это слёзы по всем нам, по нашей юности, по нашему детству, туда, туда, обратно, к истокам...

* В названии очерка – игра слов: собственно «пасси» (паспорт, финск.) и «пассионе» (страсти, итал.).

Пассионе – традиционный жанр духовной музыки. Пример – Matthaus-Passion – Страсти по Матфею И.С.Баха.

Дмитрий Николаевич КОПЬЁВ

окончил Петрозаводский государственный университет,

историко-филологический факультет.

Пишет стихи, прозу, пьесы для театра.

Опубликовал несколько сборников стихов, прозы,

рассказов для детей, сборник пьес для детского театра.

Публикации в журналах «Север», «Волга-XXI век»,

«Нижний Новгород».

Живет в Петрозаводске.

